

Уланова Галина

14.08.99

ЛИЦА И МАСКИ

И так каждый вечер...

Рос. газета. — 1999. — 14 авг. — с. 8

128

Предлагаемый читателю эскиз — из книги, над которой я сейчас по договоренности с издательством "Воскресенье" работаю. Книга будет называться "Лица и маски". Нетрудно догадаться, что это будет книга о самых разных людях. От тещи приятеля до великих (кто на самом деле, а кто по должности) мира сего. Два неприменимых условия, поставленных самому себе, — писать только о тех, с кем знаком или был знаком. И не расставлять точки над i. Пусть это останется на долю читателя, тем более что автор и сам не всегда знает, где лицо, а где маска. А где и то и другое сразу.

Но почему сегодня — Галина Уланова? Много лет назад мы на "Шестом этаже" захотели отметить тридцатилетие "Четвергов "Комсомольской правды", которые начались вместе с Великой Отечественной войной. Решили пригласить в свой "Голубой зал" всех участников первого такого "Четверга". Галину Сергеевну я, тогдашний главный редактор газеты, "закре-

Был ДЕНЬ рождения великой балерины, расцвет которой пришелся на сороковые — пятидесятые годы нашего столетия. Гостей было немного, только самые близкие. Она давно уже не терпела шумных сортищ. Артистические "вакханалии", гениально воспетые Пастернаком как раз в пору ее фантастического взлета, были уже не по возрасту да и не по натуре.

"Средь гостей танцовщица..." И не одна. Две давние ее знакомые: одной — за семьдесят, другой — за шестьдесят. Обе — из миманса. И та, что помоложе, все заводила разговор о своем "некогда роскошном" бюсте, который, мол, и кормил ее, когда перевели в миманс: "За него и держали".

Другая в тосте говорила о счастье жить, помня, что хоть в мимансе, но выступала вместе с несравненной.

И была еще одна, ровесница хозяйки, в прошлом солистка с именем, теперь, впрочем, позабытым. Она тоже произносила тост, который неожиданно закончил тем, что никому свою — сорок лет с лишним — дружбу с виновницей торжества не отдаст. В кого-то из присутствующих, видно, метили эти слова, и этот, вернее, та "кто-то" не замедлила откликнуться. И тоже в тосте. С обидным снисхождением победительницы.

Всем стало неловко. Зачини-

цил" за разъездным корреспондентом Татьяной Агафоновой.

— Ты или никто! — демагогически заявил я, адресуясь сразу и к слухам о недоступности Улановой для прессы, и к безграничной пропивной силе нашего спецкора.

Расчет оправдался. Галина Сергеевна пришла на юбилейный "Четверг". Пришла и осталась с нами до последних своих дней: подружилась с Татьяной и со всем тогдашним коллективом "Комсомолки". Этим, в частности, и объясняется тот факт, что мы с женой, не говоря уже о Татьяне, оказались в числе узкого круга гостей, приглашенных на тот вечер, о котором идет речь в предлагаемом читателю этюде. Дожидаться бы этим, написанным по горячим следам, страницам выхода всей книги, если бы не одно обстоятельство.

Я имею в виду опубликованные в шестом номере журнала "Знамя" воспоминания Алексея Симонова о том, как вместе с Татьяной Влади-

мирновой Агафоновой он работал приблизительно в ту же самую пору над двухчасовым документальным фильмом об Улановой.

Странный встает с этих страниц облик Галины Сергеевны. Неподобный не только на мое, к примеру, представление о ней, что вполне естественно; не только на легенду о ней, любимая мишеня автора воспоминаний, каковая неизбежно возникает рядом с именем и судьбой великого человека, но и на тот образ, который создан в фильме.

Перефразируя поэта, скажу то, чему поклонялся, и не поклонился тому, что скажу...

Вот и захотелось мне, не вдаваясь в полемику, опубликовать в "Российской газете" и мои две странички, крохотную частицу будущей книги, повествующие лишь об одном вечере в гостях у неповторимой нашей современницы.

И, может быть, прочитав их, тот, кто уже познакомился с пространным очерком Алексея Симонова, задумается еще раз о превратностях человеческих судеб и репутаций.

И неторопливый, по-молодому отчелтивый, ясный говорок ее был слышен каждому.

Дело было в 1945 году. Чуть ли не в первый ее выезд за рубеж, в Вену, которая тогда была оккупационной зоной. Концерты давали в помещениях какого-то драматического театра.

И была там женщина, которая поразила тем, как ухаживала за балеринами, — пачка у меня, сзади крючки, смотрю, она на молнии переделала. У нас тогда этого не было... Придешь — она тапочки снимает. Она мне — тапочки снимает... Мы к этому не привыкли. И вот вернешься со сцены, короткий перерыв, пока вот Надя танцует. Она сразу — молнию вжик, каким-то составом тебя обмотает, тут же пуанты расшнурует... За две-три минуты — полный отдых. И снова на сцену. А к ней в руки — Надя. Весь концерт — мы вдвоем. У Нади четыре номера, у меня шесть... Характерные танцы и классика. И так каждый вечер, несколько дней подряд...

Гости слушали — каждый там, где его застало начало рассказа.

И не было вокруг ни знаменитостей, ни статистов. Ни счастья танцевать с великой, ни чести дружить с нею. Была работа, которая, пока ее делаешь, одинаково и трудна, и радостна для всех. "У меня классические, у Нади — характерные. Шесть и четыре..."

Борис ПАНКИН.

ца смуты сидела с застывшим, словно обмелевшим лицом.

Все это, однако, лишь присказка. Но без нее — сказки не понять. А сказка в том, как слушала своих гостей балерина и что она потом сказала.

Слушала она с почти роняющим ее вниманием к произносимому. Никого не остановила. Но с

первой, когда тосты кончились, заговорила с той, ну, проигравшей, что ли.

И когда все стали подниматься, чтобы размяться перед чаем, который вызвались приготовить Володя с Катей, осталась сидеть и говорить с нею, вспоминая, как "мы вот с Надей на гастролях вместе выступали".